

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

КОГДА хотят одним словом охарактеризовать артиста, как правило, употребляют какой-то из постоянных, привычных эпитетов: яркий, интересный, психологичный... Однажды в разговоре с молодыми воинами назвал я фамилию народной артистки СССР Людмилы Ивановны Касаткиной — и услышал в ответ:

— Добрая она.

Добрая... Что значит — добрая актриса? Разве Нила Снежко в «Барабанщице» добрая — и только? А Комиссар в «Оптимистической трагедии»?

И вдруг настойчивое:

— Да, добрая. Не будь у нее такой души — не пошли бы за ее Комиссаром матросы!

И вот что удивительно: когда я спросил Людмилу Ивановну, что больше всего ценит она в людях, прозвучало то же самое слово:

— Доброту! Это — святое.

Если ты способен откликаться на беды других и радоваться их радости, как своей, — ты личность, ты — человек. Быть полезным — вот счастье, вот потребность души. Так воспитывали меня мои родители, рабочие люди. Они говорили, что уважение к себе можно завоевать только честным трудом и только повернувшись к людям душой.

Да, труд актера — добрый труд. Человек приходит в театр не ради развлечения. Еще Карло Гоцци говорил о том, что театральные подмостки служат всенародной школой. В театр и идут учиться — учиться добру, чтобы уметь бороться со злом.

И поэтому столь важными показались мне эти слова Людмилы Ивановны:

— Правда жизни — вот главное оружие актера. Разве это не счастье — нести со сцены, с экрана правду, так нужную людям?

А правду выдумать нельзя. Ее, свою актерскую правду, надо найти, надо пережить, надо выстрадать...

— Людмила Ивановна! Вы ведь начинали как комедийная актриса. Все мы смотре-

ли и «Укротительницу тигров», и «Медовый месяц». Но в списке сыгранных вами ролей значатся и трагедийная Нила Снежко, и Аня Морозова в сериале «Вызываем огонь на себя», и такая непростая Лейди в «Орфей спускается в ад»...

— Добавьте еще Катарину в «Укрощении строптивой» и Зинаиду Воробьеву в фильме «Помни имя свое», — мягко улыбаясь, продолжает мою

никулы к бабушке. И пришлось потом семь суток под бомбами, под обстрелом, по лесам и болотам пробираться к своим. Сколько крови, смертей видела я на забитых беженцами дорогах! Наконец, добралась до Можайска, а сестра на поезд до Москвы все не удавалось. И не помню уж на какой день вдруг услышала мамин голос: Люсенька, доченька! Оказывается, она искала меня все это время.

Может, Людмила Ивановна, мы с вами попытаемся раскрыть перед читателями секрет этой кажущейся легкости?

— Простота и эта «легкость» — не сама работа артиста, а лишь ее конечный результат. А вот достигается он и не легко, и не просто. Помню, как сын мой в детстве часто говорил мне: «Мама, ну побудь же с нами!» — «С вами? Так мы же вместе,

одним неверным поступком. Вчерашняя популярность не означает популярности завтрашней. Каждый день люди ожидают от тебя новых, все более и более значительных работ. Это очень не просто!

А я ведь не только актриса. У меня есть семья. Муж. Сын. А теперь я еще и бабушка! — Людмила Ивановна с деланным сокрушением разводит руками, а в гла-

дисциплине приобрел такой поворот:

— Недавно четверо студентов-гитисовцев были призваны в армию. Вы знаете, как мы радовались, когда от их командиров поступили отзывы о том, что служат наши ребята отлично! Не зря, стало быть, мы воспитывали в них чувство ответственности перед Родиной, перед людьми, способность к труду, тому, что

боты Владимира Ильича Ленина. Вчитывалась в строки биографий пламенных комиссаров гражданской и Великой Отечественной войн. А потом шла к комиссарам нынешним — армейским и флотским политработникам. Она и сейчас получает десятки писем от них. «Я понимаю так, — говорит актриса, — комиссар — не профессия, не должность — это призвание!»

И эта фраза вызывает в памяти ключевую реплику Касаткиной-Комиссара: «Хорошая смерть — это тоже партийная работа!» Партийной работе подчинено в ее Комиссаре все, каждый шаг, само дыхание. Когда она выходит на сцену — милая, немного усталая белокурая женщина, с трудом веришь, что именно ей удастся повести за собою матросскую массу. Но с каждой прожитой на сцене минутой все явственней проступают в ее героине черты большевика высшей, благороднейшей пробы — и мы все больше верим ей, восхищаемся ею как представителем великой партии коммунистов.

Слушаю рассказ актрисы — и чувствую, что сегодня подарила она мне ключ к пониманию ее успеха. Ведь ей просто-напросто ничего не надо было придумывать: актер — я имею в виду, естественно, истинного, большого актера — он ведь по самой сути своей — комиссар, политработник, своими художественными средствами ведущий с массами глубокий и важный диалог большой общественной значимости. Идущий к людям со своей верой в них. Со своим страстным словом. С самой большой своей добротой — добротой нашей советской правды.

С радостью узнал, что Людмила Ивановна Касаткина награждена орденом Ленина. Все мы, почитатели ее таланта, горячо поздравляем актрису с этой высокой наградой и желаем ей новых больших успехов в жизни и творческом труде.

Константин ПАНФЕРОВ.

Людмила КАСАТКИНА:

НЕСТИ ЛЮДЯМ ПРАВДУ

Встречи по вашей просьбе

мысль Людмила Ивановна. — И начните с давних лет, с прихода выпускницы ГИТИСа в Центральный театр Советской Армии. В институте я училась у Михаила Михайловича Тарханова и Иосифа Моисеевича Раевского, но первое мое десятилетие в театре прошло под влиянием Алексея Дмитриевича Попова, этого большого человека и режиссера, умевшего в каждом из нас увидеть какое-то, может, нам самим неведомые возможности. Алексей Дмитриевич и дал мне роль в пьесе Маргариты Алигер, посвященной подвигу молодого гвардейца, роль, прототипом которой была Ульяна Громова. Работа над этим образом и стала для меня первым серьезным уроком актерской гражданственности, искренности, правды, достоверности.

Правда и достоверность — как различить эти два понятия? Не претендуя на открытие, я бы сказал так: достоверность — это доказанная правда. Доказанная реальностями, почерпнутыми в самой жизни.

— Мои впечатления о войне? Девчонкой я попала в такое пекло, что и не чаяла выбраться. В сорок первом маманя отправила на ка-

за одним столом сидим». — «Нет, ты все время — где-то, все время о чем-то думаешь!» Дело в том, что роль, которую готовит актер, не отпускает его ни на минуту. Где бы я ни была, чем бы ни занималась, все время думаю над образом, ищу вокруг себя людей, похожих на свою героиню, всматриваюсь в их жесты, вслушиваюсь в интонацию. Роль проживается не только от первой до последней реплики на сцене: надо увидеть, какой была героиня до начала действия, знать, что станет с ней потом, уже после закрытия занавеса...

Я слушаю Людмилу Ивановну, неповторимые «касаткинские» тембровые оттенки, особо явственно проступающие на слове «мама», — и перед глазами всплывает образ матери, созданный ею в фильме «Помни имя свое». Готова роль Зинаиды, потерявшей в Освенциме сына, Касаткина добилась разрешения провести несколько дней в одном из барачков лагеря смерти. Наверное, вот эти детские воспоминания и дни, проведенные один на один с тенью погибших, и позволили артистке сыграть так, что вот годы прошли, а я до сих пор помню глаза ее Зинаиды Воробьевой.

И все же... Решиться или нет на такой вопрос: — Когда вижу вас на экране, на сцене ли — поражает, если можно так выразиться, легкость, с которой вам даются любые роли. Я умышленно употребляю это слово — «легкость», потому что часто слышала реплики зрителей: «Как это у Касаткиной все легко и просто получается!»

— А как вы относитесь к своей популярности?

— К популярности вообще надо относиться с большой осторожностью. В ней две стороны. Одна — в том, что тебе доверяют, ценят твоё слово. Другая — в том, что ты постоянно на виду — и это накладывает колоссальную ответственность. Уважение зрителей завоевывается трудно, а вот потерять его можно

зах у нее так и прыгают веселые огоньки, собственные только счастливым людям. И мне кажется, она действительно счастливый человек — и дома, и в театре, и на широком поле своей общественной деятельности. Людмила Ивановна — заместитель председателя правления Всероссийского театрального общества, член художественного совета Министерства культуры СССР, правления общества СССР — Испания, член президиума художественного совета ЦАТСА. Наконец, Касаткина — профессор своего родного института.

— Как вы повсюду успеваете?

— Дисциплина! Самодисциплина, если хотите.

Для нее за этим словом стоит очень многое. Это и постоянная собранность, и умение ценить свое и чужое время. Это и показатель внутренней культуры. Воспитанный человек не позволяет себе прийти на службу «не в форме», не подготовленным. Не позволит самую черновую репетицию провести скучно, не проживая, а лишь «подавая» реплики. «Дисциплина, — так она считает, — это отношение к жизни». Неожиданно разговор о

любые обязанности, которые налагает на нас жизнь, необходимо исполнять с полной отдачей!

Что же, вчерашним студентам, а нынешним воинам, наверное, можно и позавидовать: ведь не каждый из нас может похвастать тем, что он ученик Комиссара.

Не берусь сравнивать все роли Касаткиной, но для меня она прежде всего — Комиссар из «Оптимистической». Помню каждую ее реплику, каждый жест на сцене! Вдумываясь в образ Комиссара, Людмила Ивановна не раз и не два перечитывала с карандашом в руках ра-